

Если переводить плохо – лучше не переводить вообще*

В.Н. САДОВСКИЙ

Прежде всего выскажу два предварительных замечания:

1. Я – не теоретик по вопросам перевода, интерпретации, проблемам герменевтики и т.п. Я – практик: с середины 50-х гг. так или иначе участвую в переводе на русский язык, редактировании и издании текстов западных философов XX в. Все это началось еще в студенческие годы под несомненно очень благотворным влиянием Г.П. Щедровицкого, который в середине 50-х гг. в рамках Московского логического кружка занялся организацией переводов зарубежной литературы по философии и методологии науки. И я, и многие мои товарищи по философскому факультету МГУ – В.С. Швырев, Н.Г. Алексеев, В.К. Финн, Д.Г. Лахути, И.С. Добронравов, Н.И. Стяжкин, П.И. Геллазия и другие активно включились в эту работу, подготовив сотни машинописных страниц на папиросной бумаге (другой техники у нас в то время не было) переводов на русский язык в основном классиков неопозитивистской философии (часть этих переводов я сохранил). О размахе этой работы может свидетельствовать, например, такой факт: Н.И. Стяжкиным был выполнен перевод с немецкого языка достаточно объемной и широко используемой в то время книги Р. Карнапа "Abriss der Logistik" (Wien, 1929). Что касается меня, то я в то время переводил с немецкого и французского языков.

Позднее, поступив на работу в 1958 г. в сектор информации Института философии, а затем в 1962 г. в редакцию "Вопросов философии", я перевел несколько статей с немецкого языка для журнала (одна из тех, которые были опубликованы, – статья В. Гейзенберга по проблемам философии физики), и с середины 60-х гг. включился в перевод и редактирование русских переводов для издательства. Всего за прошедшее с тех пор время я участвовал в издании порядка 10 книг (Ж. Пиаже, К. Поппера, Я. Хинтики, М. Вартофского, избранных работ по общей теории систем, важнейших статей из первых десяти томов "Boston Studies in the Philosophy of Science", ряда работ зарубежных авторов, опубликованных в ежегоднике "Системные исследования", и т.п.), а с учетом тех книг, которые сейчас находятся в работе, то скорее всего и 15 книг. Естественно, что в ходе этой работы я пришел к тем или иным практическим (нередко негативным) и, возможно, политеоретическим, выводам, о которых я расскажу в этой статье.

2. Как я понимаю, тематика конференции, прошедшей в МПГУ, – по идее – должна охватить, как минимум, три группы проблем: 1) собственно проблемы перевода фило-

* Публикуемая работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 99-06-80059).

софской литературы – научные, практические, теоретические – о них я в основном и буду говорить; 2) научно-правовые проблемы – очень важные; смогу их затронуть кратко; 3) технические вопросы издания переводов философской литературы – смогу уделить им немного внимания, но они, тем не менее, важны.

Итак, сначала вопросы первой группы. Название моей статьи – несколько вычурное, содержащее по сути весьма банальный совет, тем не менее, как мне представляется, имеет вполне определенный смысл. Конечно, никто не стремится переводить плохо, но хорошо часто не получается – тогда действительно лучше не переводить. Все переводчики и редакторы стремятся сделать свою работу как можно лучше, однако для этого требуется следовать довольно большому множеству правил и принципов, которые далеко не всегда осознаются и поэтому не реализуются. Об этих правилах я буду говорить позднее. И, наконец, идеального, так сказать полностью адекватного перевода, даже для научной литературы, в частности философской, не говоря уже о художественной, по моему мнению, не существует по определению. Именно этот вопрос я и затрону сейчас.

Создание перевода – это, по моему мнению, некоторый вид научного исследования. Действительно, оригинальный текст – это существующий объективно некоторый фрагмент третьего мира, по Попперу, он не зависит от переводчика и ничего переводчику – относительно его специфической работы – не говорит и не подсказывает. Это – текст, аналогичный "тексту" любого фрагмента природы, записанный в своем языке, отличном от текста природы, и который переводчик должен понять (расшифровать) и изложить на другом языке. Как и в любом научном исследовании, имеющем дело с миром объектов, при переводе возможна только одна научная стратегия – строить гипотезы относительно текста-оригинала, исследовать их, опровергать и строить новые гипотезы. Процесс этот конца не имеет и поэтому полностью адекватный перевод недостижим, хотя к нему и надо стремиться.

Возможность общаться с автором оригинала, конечно, помогает переводчику и редактору. Я и мои коллеги имели такую возможность, когда работали над переводом "Открытого общества" Карла Поппера*. В конце 1991 и в первой половине 1992 года мы обменялись с ним не менее чем пятьюдесятью письмами и факсами, в которых обсуждались многие возникшие у нас проблемы, связанные с переводом его книги. Поппер не знал русского языка – он вообще никогда не был в России – и поэтому нам приходилось на английском языке рассказывать ему о наших трудностях и по его пояснениям искать наиболее удачные эквиваленты сложным для перевода попперовским терминам, понятиям и выражениям. В результате нам, в частности, удалось найти, мне кажется, достаточно адекватное название для второго тома "Открытого общества" «The High Tide of Prophecy: Hegel, Marx, and Aftermath»: вместо явно ошибочного нашего первоначального варианта "Величайшие пророки: Гегель, Маркс и другие оракулы" с помощью К. Поппера, который указал нам на выражение "лжепророки" из Евангелия от Матфея (7,15), мы перевели это название как "Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы".

Аналогичным образом мы различили термины "historism" ("историзм") и "historicism" ("историцизм"); широко употребляемое К. Поппером понятие "proposal" решили переводить как "предложение-проект", "рекомендация", "совет", "предложение по установлению нормы", чтобы отличить это понятие от "предложения", то есть дескриптивного предложения; сложный для перевода термин "reinforced dogmatism" предложили перевести как "непроницаемый догматизм" или как "защищенный от любой критики догматизм"; "unrestrained capitalism" по совету Поппера решили переводить как "неограниченный законодательно капитализм" или как "не регулируемый законодательно капитализм"; нашли эквиваленты для попперовских терминов "attested state" и "attested development" ("задержанное, остановленное состояние, развитие"); очень важный для

попперовской концепции открытого общества термин "the piecemeal social engineering" после неоднократных дискуссий с К. Поппером перевели как "постепенное, последовательное, пошаговое или поэтапное осуществление социальных преобразований" (хотя, как минимум, один переводчик этой книги предпочитает вариант "частичная социальная инженерия" – это выяснилось после издания книги) и т.д. и т.п. Кроме многих терминологических трудностей, которые нам удалось, я надеюсь, более или менее успешно разрешить с помощью К. Поппера, мы смогли с его помощью также прояснить ряд содержащихся в книге утверждений, которые были бы не очень понятны русскому читателю без соответствующих комментариев (например, "недавнее давление на Бертрана Рассела" как пример недопустимого государственного вмешательства в дела образования (т. I, с. 171, 331), письмо Г.Е. Зиновьева 1924 года (т. II, с. 391–392) и т.п.). По всем этим неясным пунктам К. Поппер дал необходимые разъяснения, и они содержатся в русском переводе в форме примечаний редактора, конечно, с указанием о том, что они получены от К. Поппера. (По затронутым в этом и предшествующем абзаце вопросам см. также мою статью "О Карле Поппере и судьбе его учения в России", опубликованную в журнале "Вопросы философии", 1995, № 10, с. 14–26.)

Таким образом, автор переводимой работы, когда с ним возможен контакт, способен оказать большую помощь в переводе и, конечно, улучшить качество итогового продукта, однако и автор, как правило, также не все может прояснить: главное препятствие здесь – языковые барьеры, которые очень сильны. Идеальный вариант – это авторизованный перевод, возможный, естественно, если автор владеет обоими языками. Так, в частности, была переведена книга К. Поппера "Logik der Forschung" (1934) на английский язык под названием "The Logic of Scientific Discovery" (1959) – в этом случае имел место даже более сильный вариант: книгу переводил сам автор при участии еще двух переводчиков. Содержательное и литературное качество такого перевода, конечно, гарантировано. Однако я, пожалуй, не могу припомнить ни одного случая авторизованного перевода зарубежной философской литературы на русский язык.

При написании статьи или книги автор обычно хорошо чувствует: наконец-то можно поставить точку, при переводе это невозможно. И отсюда мое первое практическое соображение: видимо, уже сейчас, а тем более в XXI в. надо будет существенно дополнить печатные варианты переводов (опубликованные книги и статьи) широким использованием электронных вариантов переводов вместе с соответствующими базами данных, тезаурусами и т.п. В этом случае возможно постоянное уточнение имеющихся печатных переводов, и основная задача переводчиков – возможно более адекватный перевод – оказывается значительно более реализуемой. В России такая практика, насколько я знаю, практически отсутствует, на Западе есть, но тоже в зачаточном состоянии. Видимо, пора действовать в этом направлении. И в этом случае мы сможем исправлять неизбежные ошибки в наших переводах. Приведу один пример в порядке самокритики, что даст мне моральное право критиковать в дальнейшем моем тексте и других. Последняя фраза из "Открытого общества", к сожалению, переведена почти что с точностью до наоборот. Оригинал книги заканчивается следующими двумя предложениями: "In this way we may even justify history, in our turn. It badly needs a justification". Вместо "Именно таким образом мы, со своей стороны, сможем оправдать историю. Вряд ли это требует особого обоснования", как напечатано в книге (т. II, с. 322) – последнее предложение следовало перевести: "А она крайне нуждается в оправдании". К. Поппер, возможно, сам способствовал появлению этой ошибки, используя в последнем предложении местоимение "it", которое, как, видимо, показалось переводчику, можно было отнести и к истории, и к самому предшествующему утверждению. Однако значение выражения "badly needs" не оставляет сомнений: мы, к сожалению, ошиблись.

Теперь о правилах и принципах перевода, которые я осознал в своей практической работе. Много лет тому назад после серьезных ошибок, которые я и мои коллеги допустили при переводе работ Пиаже, западных классиков XX в. по системной проб-

* Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. I–II. Перевод с английского языка под общей редакцией В.Н. Садовского. Переводчики: В.Н. Брюшинкин, П.И. Быстров, К.Л. Викторова, А.В. Карташов, В.В. Келле, С.П. Чернозуб. М.: Феникс, Международный фонд "Культурная инициатива", 1992.

лематике и т.п., я сформулировал для себя следующие принципы и установил их важность, начиная с первого и кончая третьим:

1. Знание предмета перевода.
2. Хороший литературный русский язык.
3. Знание английского (или другого языка-оригинала).

Эти принципы бесспорны, но теперь я хочу внести в них некоторые уточнения с точки зрения их соподчинения. Действительно, без знания предмета, то есть без понимания о чем идет речь в оригинале, перевод невозможен. В этой связи расскажу о такой истории: приходит ко мне молодая женщина, видимо, достаточно хорошо знающая английский язык, и говорит о том, что совместно с одним сибирским издательством они планируют публикацию на русском языке книги К. Поппера "Objective Knowledge"; спрашиваю, в какой степени Вы знаете его концепции, читали ли его работы на английском и русском языках; выясняю, что ничего этого нет; поясняю, что в таком случае сделать хороший перевод невозможно, однако она со мной, конечно, не согласилась, правда до настоящего времени я о таком переводе, слава Богу, не слышал.

Следует напомнить, что блестящие переводы западной философской литературы на русский язык, опубликованные в России в философский серебряный век, были в основном выполнены глубокими знатоками и творцами философии – Н. Лосским, П. Юшкевичем, А. Богдановым и многими другими. Поэтому принцип 1 – безусловен. Его можно раскрыть более детально: желательно достаточно глубокое знание страны, где создан оригинал, ее культуры, контекста оригинала и – что действительно очень важно в практическом отношении – даже профессионал в данной области не может начинать перевод, не прочитав предварительно всей работы. Переводчик-профессионал в области, к которой относится оригинал – необходимое, но недостаточное условие. Он к тому же должен быть просто ответственным человеком. Приведу полуканонические примеры из своей практики общения с переводчиками (кстати, они были профессиональными философами): Джорджа Беркли называют "Бишоп Берклей", предполагая, видимо, что "Бишоп" – это имя ("bishop" по-английски – это "епископ", и Беркли действительно был епископом); профессиональному философу должно быть хорошо известно французское написание фамилии О. Конта – Comte, я же от переводчика получаю фамилию абсолютно не известного мне философа – "Комте"; в английском оригинале написано приблизительно следующее: "по этому вопросу я решил проконсультиваться у Маймонида", в переводе: "по этому вопросу я решил поговорить с Маймонидом" – как это удалось сделать автору переводимого текста, ныне здравствующему Джозефу Агасси, мне не ясно, потому что Маймонид жил в XII в.

Хороший литературный русский язык – здесь вроде бы все ясно, однако и переводчики, и редакторы нередко, как представляется, недорабатывают в этом отношении. Мой практический совет: переводчику после завершения своей работы следует минимум два раза тщательно прочитать свой перевод – один раз, сопоставляя его с оригиналом, дабы избежать пропусков, ошибок в переводе и т.п., второй раз – независимо от оригинала, только с точки зрения литературного русского языка. А затем должен поработать также и научный редактор.

Уровень английского языка: пожалуй, я теперь склонен уточнить важность пунктов 2 и 3 в моем списке – 2 и 3 равноценны.

* * *

Вторая группа проблем – научно-правовые. Сегодня в этом отношении полный беспредел. Три примера, взятые почти что наугад.

1) Новое издание книги Б. Рассела "История западной философии". Новосибирск, Издательство Новосибирского университета, 1994 (вроде бы есть и более поздние издания, опубликованные также в Новосибирске). Первое издание вышло в 1959 г. Научный редактор издания 1994 г. В.В. Целищев в "Предисловии редактора" пишет: "Следует выразить признательность тем людям, которые взяли на себя труд пере-

вести эту замечательную книгу. Этот перевод и был вновь использован в настоящем издании", а копирайт ставит: для книг 1–2 – "Предисловие редактора, В.В. Целищев, 1994" (это – одна страница текста из 458), для книги 3 – "Перевод главы "К. Маркс" и статьи Р. Рорти, В.В. Целищев, 1994" (приблизительно 35 страниц из 393), а где эти люди, которым "следует выразить признательность"? И как защищаются права автора этой замечательной (это, действительно, так) книги?

2) Ж. Пиаже "Избранные психологические труды" М., Международная педагогическая энциклопедия, 1994. Полное воспроизведение текста перевода 1969 года, причем об этом в издании 1994 г. не говорится ни слова (ничего не знали о подготовке этого издания и ныне здравствующие участники издания 1969 г.). В результате ошеломленный читатель издания 1994 г. получает из вступительной статьи такую, например, информацию: "К моменту выхода в свет настоящего издания советский читатель располагает, по существу, лишь двумя работами Ж. Пиаже, переведенными на русский язык...", "Недавно вышла работа Ж. Пиаже" (и указывается книга, опубликованная в 1966 г.) и т.п. Все это было верно во второй половине 60-х гг. и совершенно не соответствует действительности в середине 90-х гг. (По этому поводу см. нашу статью с В.А. Лекторским и Н.Г. Алексеевым, опубликованную в журнале "Вопросы философии" в № 8 за 1995 г., с. 174–176.)

3) К.Г. Гемпель. Логика объяснения. М., Дом интеллектуальной книги, 1998. Перевод, составление, вступительная статья, приложения О.А. Назаровой. Из фундаментальной книги К. Гемпеля "Aspects of Scientific Explanation" (1965) выбраны далеко не все важные статьи автора, но после этого издания они вряд ли смогут появиться в русском переводе. Научный уровень издания иллюстрирует "Предисловие" под названием "Карл Гемпель: личность и творчество". Оно состоит из одной неполной страницы авторского текста О.А. Назаровой, затем трех страниц из статьи о Гемпеле Е. Кима из американской "Энциклопедии философии", конечно, без кавычек, правда, с упоминанием автора этой статьи, затем из четырех страниц текста П. Оппенгейма и полустраничного заключения автора "Предисловия". Не думаю, что это можно признать за хороший научный уровень.

К этой группе относятся достаточно сложные вопросы правильного – соответствующего юридическим нормам – указания копирайта на наших переводных работах. Мне думается, что в этом отношении "плавают" как издательства, так и переводчики и редакторы. Я не решаюсь давать в этой связи какие-то рекомендации – это должны сделать издательства вместе с компетентными юристами, но мои консультации по этому поводу с некоторыми российскими издательствами и с правовым менеджером Центрально-Европейского университета (у них есть большой опыт в этом отношении) убедили меня в следующем: во-первых, мы все ходим по острому ножа (практически во всех наших изданиях копирайт указан неправильно, что может привести к серьезным финансовым претензиям со стороны реальных обладателей копирайта на оригинальный текст, который переводится на русский язык, – они в русских переводах почти никогда не указываются), и, во-вторых, пора нам издавать наши переводные книги в соответствии с правовыми нормами, принятыми в цивилизованном мире и, в частности, реально защищать права переводчиков и редакторов (что также делается достаточно редко – издательства защищают свои права, а они на самом деле минимальны).

Третья группа вопросов. Как правило, плохие издания с множеством ошибок в переводе, с массой опечаток и – что важно в контексте моей статьи – без элементарных научно-информационных атрибутов, в частности, без указателей. Их нет даже в хорошо выполненных переводах – ни в попперовской "Нищете историцизма" (М., Издательская группа "Прогресс", 1993), ни в книге И. Лакатоса "Фальсификационизм и методология научно-исследовательских программ" (М., "Медиум", 1995), ни в недавно вышедшей книге К. Поппера "Квантовая теория и раскол в физике" (М., "Логос", 1998), ни во многих других изданиях. Публикация перевода научной книги без указателей – это признак того, что перевод не был окончательно доработан.

перовская концепция социальной философии исходила из предпосылки, что в открытом обществе все принципиальные ценностные проблемы уже решены, и речь может идти исключительно о частных вопросах, которые и подлежат рациональному обсуждению. Между тем имеются веские основания думать, что в современном мире идет спор разных ценностных, культурных и социально-политических установок и воплощающих их цивилизаций. Этот спор может привести к конфликту цивилизаций, а может выразиться в конструктивном и взаимообогащающем диалоге или полилоге. Последнее осуществимо только в рамках рациональной дискуссии. Но ясно, что в данном случае рациональность должна пониматься уже иначе, чем это имеет место у Поппера. Участники подобного диалога-полилога, который может быть весьма длительным, взаимодействуют друг с другом, учатся друг у друга и меняют свои позиции, оставаясь в то же время оппонентами.

Рациональность означает в данном контексте прежде всего умение рефлексировать над собственными предпосылками и умение понять точку зрения оппонента.

Согласно Попперу, традиция рационального критицизма существует как бы вне и над другими традициями и в отличие от последних как бы внеисторична. Однако есть основания думать, что понимание рациональности, критицизма, того, что является убедительным аргументом, само зависит от конкретно-исторического контекста. В этом смысле рациональная критика не только влияет на судьбу других культурных традиций, но и сама испытывает их воздействие. Не принимая этого во внимание, трудно понять многие эпизоды развития науки и философии⁷.

Но это значит, что рациональная дискуссия не сводится к тем случаям, когда с помощью определенных приемов просто опровергается мнение оппонента. Рациональность в более сложных обсуждениях предполагает прежде всего умение встать на точку зрения другого, посмотреть на себя и собственную позицию с этой иной точки зрения и вступить в плодотворный диалог с иными взглядами, не отказываясь от собственных. Конечно, такая рациональность является неким идеалом, далеко не совпадающим с современными практическими реалиями. Однако это такого рода идеал, культивирование которого жизненно важно для судеб современной культуры⁸.

Динамика теорий и фазовые переходы

(В связи со схемой научной эволюции по Карлу Попперу)

Э. ЭЗЕР

Интерес к феномену науки столь же стар, как и сама наука. С незапамятных времен науку исследовали и теоретически, и эмпирически. Подобные исследования имманентны науке. В каждой науке формулируются не только высказывания о познаниях в той или иной предметной области, но и общие правила и предписания, относящиеся к построению, методике и терминологии. Теория науки как систематическая дисциплина возникла благодаря этой методологической постановке вопроса.

Однако за эту систематизацию, впервые проведенную в строгой форме в нашем столетии, в особенности Венским кружком, и создавшую целую систему из относительно не связанных между собой высказываний о феномене науки, т. е. своего рода метатеорию, пришлось заплатить немалую цену. Цена эта заключалась в насильственном ограничении комплексного феномена науки продуктом процесса человеческого познания, как он представлен в виде системы высказываний в исследовательских отчетах или учебниках.

Подобное представление о теории науки было еще сто лет назад у Больцано, который определял свое «наукоучение» как такую науку, «которая предписывает нам, как мы должны излагать науки в предназначенных для определенной цели учебниках»¹.

Отделение открытия от обоснования

Однако в то время как Больцано допускал, что наряду с этой главной задачей — аксиоматически-дедуктивным изложением, необходимым для учебника — у каждой науки есть также и другие важные задачи, например, классификация областей знания и собственная эвристика как искусство изображения (*ars inveniendi*), логика науки ограничилась исключительно «*ars iudicandi*» — контекстом обоснования. Образцом послужила формально-логическая метаматематика, которая в качестве теории доказательства ставила перед собой единственную задачу — дать доказательство непротиворечивости математических теорий (элементарная теория чисел, геометрия). Теория науки, построенная по образцу математической теории доказательства как метатеория эмпирических наук, предполагает поэтому жесткое

⁷ См. в этой связи книгу: Хьюбер А. Критика научного разума. М., 1994.
⁸ Конечно, подчеркивание особой роли рациональности в решении социальных и культурных проблем не означает принятия позиции панрациональности. Мы можем говорить о рациональности только применительно к действию, направленному к определенной цели или хотя бы к определенному результату (если цель не осознается, что нередко бывает). Между тем в человеческой жизни (включая культуру и познание) имеют место такие события, которые нельзя подвести под понятие действия. Это могут быть и захватывающие нас переживания, такие процессы, исход которых не запрограммирован. Между прочим, диалог по серьезным проблемам, который может быть вполне рациональным в отдельных своих звеньях, вряд ли может быть полностью уложен в характеристики рациональности, если рассматривать его в целом. Ибо в целом он не запрограммирован, как не запрограммирована сама история.

Кстати сказать, если принимать развиваемые И. Пригожиным и другими учеными идеи самоорганизации, то приходится сделать вывод о том, что организация может быть результатом нерациональных процессов. (Не следует смешивать эти идеи с идеями классического либерализма: согласно последнему общественной организация возникает как результат рациональных действий составляющих общество индивидов; важно только не забывать, что с точки зрения либерализма рационально не общество, организованное «сверху», со стороны государства, а общество, организованное «снизу», рациональными действиями на индивидуальном уровне.)

¹ Bolzano. Wissenschaftslehre. 1, 1930. S. 7.

разделение между контекстом открытия, с одной стороны, и контекстом обоснования, с другой², а также абстрагирование от всех временно-динамических аспектов.

Логическая структура аксиоматически-дедуктивной системы высказываний остается всегда одна и та же. В лучшем случае в ней возможны изменения в смысле повышения уровня точности. Изменения научных теорий составляют содержание логических вариантов. Тем самым система и история полностью отделены друг от друга. Уже Фреге выразил это достаточно четко: «Таким образом история науки вступает в противоречие с требованиями логики. Нужно постоянно различать между историей науки и ее системой. В истории мы имеем дело с развитием, в системе — с неподвижностью»³.

Это разделение контекста открытия и контекста обоснования не только не было преодолено, но оказалось еще радикализировано в попперовской логике исследования (в английском переводе она получила совершенно сбивающее с толку название «Logic of Scientific Discovery», London, 1959). С энергией и определенностью, не оставляющей желать лучшего, Поппер обрушился на сложные игры в систему, как он называет миниатюрные языковые модели, какие конструировал Карнап и его последователи; по мнению Поппера, эти конструкции полностью игнорируют самые интересные проблемы теории познания; при этом, однако, он сам углубляет пропасть, разделяющую две постановки вопроса: «quid facti?» и «quid juris?», как он называет контекст открытия и контекст обоснования, — вводя различие между психологией познания и логикой познания и рассматривая возникновение нового исключительно как психологическую проблему: «Вопрос, как случается, что кому-то приходит в голову что-то новое, будь то музыкальная тема, драматический конфликт или научная теория, представляет интерес для эмпирической психологии, но никак не для логики познания».

Таким образом полностью элиминируется старая тема эвристики или логики открытия, эвристики как в позитивном, так и в негативном смысле слова, в том числе и — по Карнапу и Рейхенбаху — как проводимой задним числом индуктивной верификации или обоснования логически иррационального случая, доступного лишь психологическому описанию и объяснению.

Единственное, что остается за пределами формальной теории доказательства — это теория фальсификации с ее формулировкой «смелые предположения и суровые опровержения» и любопытными психологическими решениями.

Схема развития теорий Поппера

Такова была ситуация в 30-е годы нашего века. Однако сегодня ход дискуссии определяется стремлением построить на естественнонаучном фундаменте теорию эволюционного развития науки.

Возникло это стремление из сформулированного уже Поппером принципиального возражения против стандартного понятия теории науки с ее логическим анализом: от нее полностью ускользают по-настоящему интересные динамические аспекты развития и изменения науки. Из этого принципиального возражения развилось впоследствии понятие «эволюционной теории познания» — выражение, которое впервые употребил Дональд Кемпбелл, характеризуя философию Поппера⁴.

В своей статье, посвященной Попперу, Кемпбелл называет применение эволюционной теории к когнитивным способностям человека «вечно возвращающейся ересью» и показывает, что по меньшей мере 22 философа и 18 ученых: биологов, физиков и психологов — высказывали предположение, что априорные формы восприятия и категории мышления являются продуктом фило-

генетического развития. Впрочем, и сам Дарвин считал такое применение своей эволюционной теории весьма желательным и правильным, о чем ясно свидетельствуют его записные книжки.

Поппер долгое время вообще не желал признавать теорию эволюции естественнонаучной теорией, ставя ей в вину ее циркулярный характер. Однако дарвинизм стал для него оружием в борьбе против индуктивизма Карнапа. Вот какую аналогию он проводит: «По-моему, дарвинизм относится к ламаркизму так же, как дедуктивизм к индуктивизму, селекция (отбор) к инструкции (обучение через повторение), критическое устранение ошибок к позитивному обоснованию»⁵.

Собственную позицию Поппер характеризует так: «Моя логика исследования содержала теорию развития знания через попытки и ошибки, точнее, через устранение ошибок. А это значит — через дарвиновскую селекцию, через отбор, а вовсе не через ламарковскую инструкцию, то есть обучение». Эту аналогию Поппер в конце жизни разработал, создав схему четырех фаз динамики теорий⁶:

1. Проблема (не наблюдение);
2. Попытки решения — гипотезы;
3. Устранение ошибок — фальсификация гипотез или теорий;
4. Новая и более точная постановка проблемы в результате критической дискуссии.

Эта схема нашла поддержку на более глубоком уровне — в сравнительных исследованиях поведения. Конрад Лоренц еще раньше разработал филогенетическую теорию познания, в которой человеческая познавательная способность рассматривалась как продукт органико-генетической эволюции.

Основная идея состояла в том, чтобы преодолеть бесплодное разграничение между теорией и историей науки. Однако для этого требовалось изменить обе дисциплины. Нужно было не только динамизировать теорию науки, превратив ее из синхронного анализа в диахронную теорию науки, но и изменить историографию наук. Ибо в историко-научном описании, в тех случаях, когда оно не болталось, грубо говоря, как ненужный придаток политической и социальной историографии, целиком задавали тон идеологи либо прогресса, либо релятивистского хаоса. Первые рассматривали развитие естественных наук как единственный прогресс человечества, и при этом как кумулятивное накопление знаний. Для вторых, напротив, всякая сегодняшняя истина была завтрашним заблуждением, и представление о том, что наука вообще может иметь что-то общее с истиной и прогрессом, столь же мало принималось ими всерьез, как детская сказка при Деда Мороза: как и детям, нормальным ученым нужно оставить приятную сказочку, чтобы не отчаивались.

Результатом такой попытки интеграции между теорией и историей науки явилась теория научного развития не только кумулятивного, но также и прогрессивного (т. е. такого, в ходе которого теории изменяются и замещаются новыми), которое ведет от простых начал к более сложным структурам и не имеет никакой конечной цели в смысле абсолютной истины.

Спорным оставался вопрос о ходе научного развития: постепенно оно или скачкообразно, имеет ли здесь место непрерывность или прерывность? Аналогия с биологической теорией эволюции здесь ничем не могла помочь: там тоже не решен спор между градуалистами и сальтационалистами (которых иначе еще зовут пунктуалистами).

Не было единства и по другому вопросу: должна ли теория науки быть интерналистской (внутренней), т. е. историей фактов, проблем, гипотез и теорий или экстерналистской (внешней) — т. е. рассматривать носителей идей и, значит, превратиться в психологическую и социологическую теорию? Или она должна объединять оба аспекта? Решение, разумеется, зависело от того, в чем видеть цель

⁵ Popper K. Ausgangspunkte. Hamburg, 1982. S. 244.

⁶ Popper K. Alles Leben ist Problemlösen. Muenchen, Zuerich, 1994.

² Reichenbach H. Experience and Prediction. Chicago, 1938.

³ Frege G. Logic in der Mathematik//Schriften zur Logik und Sprachphilosophie. Hamburg, 1971. S. 152.

⁴ Campbell D. T. Evolutionary Epistemology. In: P. A. Schlipp (ed.). The Library of Living Philosophers. Vol. 14. The Philosophy of Karl Popper. Bd. 1. Lasalle, 1974. S. 413—463.

этой дисциплины: есть ли она нормативная и регулятивная методология науки или ее психологическое и социологическое описание и объяснение.

Впрочем, несмотря на все расхождения, с самого начала существовала некая фундаментальная общность — вопреки даже классической догме о разделении контекстов открытия и обоснования. Не только все авторы теории научного развития, как, например, Кун и Тулмин, но и Поппер прибегают к аналогии с дарвиновской эволюционной теорией. Все выше перечисленные позиции в теории, психологии и социологии науки с их на первый взгляд столь различной терминологией могут без труда быть преобразованы в одну более глубокую и универсальную эволюционную теорию и изложены в ее терминах. Важнейшее для проблемы возникновения нового в истории науки понятийное преобразование — это преобразование понятия «смена парадигмы» в понятие «переход в другую фазу». С его помощью можно превратить исследование динамики теорий, которым ограничивался Кун с его понятием смены парадигм, в общее исследование динамики науки.

Чтобы характеризовать эту эволюционную теорию динамики науки, необходимо прежде вернуться к старым, по большей части уже забытым концепциям XIX в. Первым здесь следует назвать имя Вильяма Уэвелла, чья философия естественных наук (которые он называет индуктивными науками) опирается на историю естествознания, объединяющую историю фактов и историю идей (гипотез и теорий).

Именно на него опирался Эрнст Мах, а идеи Маха были затем развиты Больцманом.

Однако между Уэвеллом и Махом/Больцманом лежит эволюционная теория Дарвина. Она позволила уже Маху и Больцману превратить традиционную кантовскую теорию познания, под влиянием которой находился еще Уэвелл, в эволюционную теорию познания, рассматривающую кантовские формы созерцания и категории как «наследственные признаки», сложившиеся в результате филогенеза человека. В отличие от Маха, строившего свою аргументацию на физиологии ощущений, Больцман опирается преимущественно на физиологию мозга и в результате приходит к представлению о некоем филогенетически сложившемся «механизме в человеческой голове», назначение которого — способствовать выживанию человека как индивидуума и как биологического вида.

Эта модель отражает самоорганизацию информации в процессе человеческого познания, где попытка и ошибка, опыт и теория теснейшим образом связаны посредством более или менее формального метода — индукции, дедукции, конструкции или редукции. Эти методы не существовали с самого начала человеческой истории, но постепенно развивались, превращаясь во все лучше функционирующий механизм.

Следствием подобной модели механизма научного познания явилось функциональное понятие истины, а с ним — инструментальный характер всех научных гипотез и теорий.

Функциональное понятие истины направлено против теории познания как отражения; его суть: «Для выживания нужны не правильные отражения окружающего мира, а верные реакции»⁷. Это значит, что все понятия, гипотезы и теории суть не что иное, как внутренние схемы реакций и действий познающего субъекта.

Это означает также, что всякая мысленная логическая конструкция есть не что иное, как расширенное восприятие, поскольку она основана на сенсомоторике; и наоборот: всякое восприятие, в том числе и простейшее чувственное ощущение, всегда представляет собой результат теоретической обработки элементарных единичных реакций, которые сами по себе как энергетические состояния никакого значения не имеют. Значение они обретают лишь после того, как познающая система

⁷ Oeser E. Psychozoikum. Evolution und Mechanismus der menschlichen Erkenntnistätigkeit. Berlin und Hamburg, 1987.

активизирует их, т. е. в соответствии с собственной внутренней структурой и собственным состоянием на данный момент делает возбудителями внутренних процессов. Эти элементарные реакции можно рассматривать как информацию об окружающем мире постольку, поскольку они, как возбудители внутренних нейронных процессов, несмотря на свою тотальную фрагментарность, сохраняют, по крайней мере, топологию состояний окружающего мира.

Тем самым обозначается начальная граница процесса внутреннего конструирования. Конечная граница познавательного процесса обозначается тоже: поскольку опытные научные конструкции, т. е. гипотезы и теории, применяются на практике и служат руководством для человеческих действий, постольку они либо подтверждаются успехом этих действий, либо опровергаются, или, так как их всегда возникает несколько, выбирается та теория, которая лучше функционирует, больше объясняет и точнее предсказывает.

Это значит, что наука изначально есть не что иное, как механизм выживания второго порядка, опирающийся на фундаментальные, выработанные в процессе филогенеза реактивные схемы и ведущий ко все более сложным, теоретически обоснованным инструктивным схемам, обеспечивающим успешную деятельность. Это, конечно, уже выходит далеко за пределы выживания отдельного индивида, однако в конечном счете служит именно успешному воспроизводству биологического вида *homo sapiens*.

Ибо как бы ни оценивать научный прогресс, одно несомненно: причина невероятного успеха воспроизводства, т. е. скачкообразного увеличения биомассы биологического вида *homo sapiens* — применение естественных наук в технике, медицине и экономике. Этот успех и есть единственная твердая гарантия того, что мы зовем «истинностью» научных теорий.

Возникновение нового в науке: типология фазовых переходов

В рамках подобной эволюционной модели научного развития можно наконец дать ответ на более общие вопросы о возникновении нового в науке. Что именно возникает: новые факты, гипотезы, теории или методы?

Ответить можно только так: ни одна из этих возможностей не должна рассматриваться отдельно, ибо все они функционально взаимосвязаны.

Если возникновение нового в мире связано с различными, но функционально взаимосвязанными возможностями, тогда существуют и различные типы перехода из одной фазы в другую, из которых лишь один может быть назван «сменой парадигмы» (Кун).

Поэтому следующий вопрос касается типологии фазовых переходов. Ответ будет таков: в истории науки различаются четыре основных типа фазовых переходов:

1. Переход от дотеоретической стадии науки к первичной теории. Примеры: от вавилонской астрономии к геоцентрической астрономии Птолемея; от описательной естественной истории (Бюффон) к теории эволюции (Дарвин).

2. Переход от одной теории к другой (альтернативной) теории (так называемая «научная революция» = смена парадигмы). Примеры: от геоцентрической теории Птолемея к коперниканской гелиоцентрической теории планетной системы; от аристотелевской физики к механике Галилея; от теории постоянства видов к теории их изменчивости.

3. Переход от двух отдельно возникших и параллельно развивавшихся частных теорий к одной универсальной теории (интеграция теорий). Пример: от земной механики Галилея и небесной механики Кеплера к универсальной механике Ньютона.

4. Переход от наглядной, основанной на чувственном опыте теории к абстрактной ненаглядной теории с тотальной сменой основных понятий. Пример: от классической механики Ньютона к теории относительности Эйнштейна.

Фазовый переход первого типа связан с эволюционным скачком в развитии

